

Глава 16: Инквизиция

"Наше главное оружие - сюрприз!"

--Кардинал Хименез (The Spanish Inquisition by Monthy Python)

Глава шестнадцатая - Инквизиция

Поклонники бродили по залу, обмениваясь шутками и болтали друг с другом, ожидая следующего испытания. Все эти персонажи редко собирались в одном месте, поэтому они воспользовались случаем, чтобы представиться и наладить связи. В конце концов, они подписали обещание и были соратниками в будущем.

Еще больше слуг пришли в зал. Без преамбулы, они начали переставлять мебель. То, что представляло собой простые ряды столов, сродни экзаменационной обстановке, было слегка смещено, так что прямые линии стали кривыми. В конце концов столы образовали вогнутую структуру, напоминая Хуан Мину зал аудитории.

Три новых, больших стола были расставлены спереди, примерно в форме буквы "D". Расстановка была такова, что три новых стола стояли лицом к остальным, становясь очевидным центром внимания.

- Как вы думаете, что происходит? - спросил Мин Гуан. Хуан Мин не мог не чувствовать отцовского чувств по отношению к этому молодому другу с свежим лицом, чьи глаза были широко раскрыты, как у лани.

- Судя по обстановке, похоже, что будет интервью, - Хуан Мин.

- Устный экзамен перед всеми? - Лэй Янь не мог предотвратить трепет в своем голосе. Вокруг, его коллеги-кандидаты тоже волновались. Только Хуан Ланг выказывал безразличие.

Затем двери снова открылись, и вереница семьи Цао вошла в зал. На этот раз были и дополнения: две пожилые и очень величественные женщины, одна из которых использовала изогнутую трость.

- Мать и бабушка, - пробормотал Хуан Ланг. Те, кто слышал его, становились все более обеспокоенными.

Цао Тяньюнь вела бабушку, а Цао Шуан держал руку своей матери, когда они шли к передним столам.

Чжан Пин был в замешательстве.

- Это совершенно ненормально. Я не ожидал такого рода инквизиции, - проворчал он.

- Никто не ожидает инквизиции, - сказал Хуан Мин с улыбкой, словно наслаждаясь личной шуткой.

Цао Шуан хлопнул в ладоши за внимание.

- Юные господа, пожалуйста, внимание!

Хуан Мин неторопливо последовал за своим братом, чтобы они были вместе. Видя, как двое выбирают свои столы без беспокойства, друзья Хуан Мина поспешили собраться возле них. Казалось, что в этот раз не будет никакой необходимости в случайном размещении.

В самом деле, некоторые из самых проникательных людей бросились выбирать столы за спиной, ведя себя как нерадивые ученики, боящиеся, что их вызовет учитель. Они присоединились с небольшой надеждой привлечь внимание Цао Тяньюнь, но теперь ситуация была таковой, что они могли вместо этого вызвать на себя публичную насмешку и, таким образом, их сердца задрожали.

Другие были более уверенными и стремились привлечь внимание, они уверенно шагали вперед. Раньше они все склонялись над своими столами, когда делали писали свою каллиграфию, и поэтому у них было мало возможностей восхищаться Цао Тяньюнь. Теперь они воспользовались возможностью поближе взглянуть на Дымчатую Луну.

Хуан Ланг выступил с инициативой приветствовать пожилых женщин.

- Мы приветствуем уважаемых дам Дома Цао, - сказал он торжественно и поклонился очень правильно и вежливо. Хуан Мин и другие кандидаты поспешно последовали его примеру и глубоко поклонились.

Бабушка Цао Тяньюнь, матриарх Цао, выглядела очень слабой, но кивнула и улыбнулась. С большим почтением Цао Тяньюнь подвел матриарха к среднему столу и медленно усадила ее. Она сама заняла позицию слева, оставив свою мать на правой стороне от бабушки.

Леди Цао была очень довольна почтением, проявленным юношами, и сказала:

- Для нас большая честь быть здесь с такими почетными гостями, пожалуйста, садитесь!

Собравшиеся молодые люди заняли свои места. Теперь два десятка из десяти наиболее подходящих холостяков города столкнулись с дочерью, матерью и бабушкой семьи Цао. Хотя

они были взрослыми мужчинами на пике своего юношеского великолепия; они не могли не чувствовать страха от этих трех женщин.

Леди Цао была особенно пугающей, ведь все это было сделано ради ее единственной дочери. Ее глаза были особенно остры, и от нее чувствовалась гнетущая аура. Даже неуклюжий Цао Шуан, который стоял в стороне и яростно уставился на кандидатов, не мог сравниться с нею. Братьям Хуан это напомнило их собственную мать, которая так недавно вселяла в них страх.

Затем Цао Тяньюнь сказала:

- Уважаемые гости, Цао Тяньюнь искренне благодарит вас за ваши композиции каллиграфии. Цао Тяньюнь еще очень молода и не очень хорошо осведомлена, и есть некоторые, чьи работы выходят за пределы ее собственного плохого понимания. Я молюсь, чтобы молодые джентльмены могли меня просветить по этому поводу.

Одна из служанок шагнула вперед, чтобы положить пачку бумаг на стол перед Цао Тяньюнь. Хуан Мин заметил, что эта куча кажется слишком маленькой, чтобы соответствовать полному собранию из пятидесяти молодых людей.

Он спрятал улыбку, делая вид, что задумчиво потирает щеку.

'Она уже сделала свой выбор, она просто не хочет никого обидеть, называя имена. Так что она устраивает это шоу перед всеми', - подумал он.

Один из кандидатов воспользовался возможностью, чтобы уверенно встать и сложить руки.

- Я более чем рад, помочь женщине в понимании моего произведения, - сказал он с улыбкой.

Цао Тяньюнь, похоже, казалось оторопела и пролиستала собранные произведения. Она нахмурилась, когда прошла через кипу бумаг. После чего, подождав служанку, она прошептала ей в срочном порядке, и служанка поклонившись вышла.

Цао Тяньюнь извиняющимся образом поклонилась смелому юноше:

- Похоже, моя слуга потерял вашу работу, молодой мастер Ган. Я умоляю вас подождать, пока она ее найдет.

Мужчина по фамилии Ган покраснел, но сумел кивнуть, прежде чем сесть обратно посреди тихого смеха и жалостливых взглядов своих сверстников. Собранные люди не были дураками, они тоже были наблюдательны, как и у Хуан Мин, и поняли что к чему увидев небольшую стопку бумаг. Тщеславный человек был уверен, что он был одним из выбранных, но теперь он стал предметом шуток среди своих сверстников. Беспомощный, он мог только притворяться, будто верит в выдумку Цао Тяньюнь.

Цао Тяньюнь подняла лист бумаги и прочитала: "Луна парит в ночи,

Купая мир своим светом,

Изо всех сил буду я бороться,

Чтобы спасти деву из ее тяжелого положения."

Леди Цао кивнула и спросила:

- Кто это написал?

Некий молодой человек просиял гордостью. Он встал и поклонился, чтобы признать свое авторство.

- Я благодарю молодого мастера Янга за его слова. Тем не менее, я хочу спросить, в чем конкретно заключается бедственное положение, в спасение из которого нуждается моя дочь? - спросила леди Цао с улыбкой, которая не дошла до ее глаз.

Молодой человек замер, его рот открывался и закрывался, но слов не было.

Цао Тяньюнь поклонилась своим гостям, сказав:

- Эта скромная дева спровоцировала молодых сэров на это смущающее событие и тем самым вызвала насмешки. Но я, Цао Тяньюнь, хотела бы прояснить ситуацию. Я действительно ищу достойного мужа, и именно по милости и потворству моих родителей, это оказывается возможно. Они поддались моим эгоистичным прихотям, и это показывает любовь, которую я получила от моего отца и моей матери. Я прошу молодого сэра, пожалуйста, не думайте о родителях Цао Тяньюнь плохо.

Бедный человек мог только несколько раз поклониться, сказав:

- Я не смею, я не смею!

'Так значит вот тут такая схема, шок и трепет, позор и вина', - усмехнулся про себя Хуан Мин.

Он был немного раздражен, ведь это была ситуация, когда семья Цао мог вертеть и искажать написанные слова так, как они хотели. Возможно, это все и началось как сессия поэзии и каллиграфии, но теперь поклонники были вынуждены защищаться, не оскорбляя своих хозяев, и все равно оставались открытыми для насмешек.

Видя, как Цао Тяньюнь медленно поднимала очередную бумагу, весь зал наполнился страхом. Она прочитала:

"И кисть, и копье,

Человек должен стремиться,

К самой высокой вершине,

И не быть кротким".

Хуан Мин мог слышать, как его друг Хэ Дин, Странная Кисть, медленно проглотил комок в горле. Хэ Дин был бледен, и когда он встал с места и поклонился, его персонализированная кисть, свисавшая с его пояса, теперь была тяжелой, как кусок железа. Ирония для тех, кто тут присутствовал, потому что его поэзия говорила о храбрости, и теперь он казался, как будто слабый ветерок мог его унести.

Цао Тяньюнь передала бумагу старшим. Леди Цао и матриарх с благодарностью кивнули красивым мазкам.

- Какая замечательная каллиграфия, молодой мастер Хэ, - похвалила леди Цао. Она поманила горничную, и слуга поднял бумагу, чтобы все могли ее видеть. Хуан Мин не очень понимал искусство, но он мог видеть, как удары кисти текли мощно, как река. Многие из кандидатов пробормотали слова восхищения, он действительно был мастером.

Цвет его друга стал лучше.

- Я благодарю вас за ваши добрые слова, - сказал Хэ Дин.

Матриарх Цао кивнула.

- Хороший молодой человек, - тихо сказала она, и улыбка Хэ Дина стала ярче.

Затем она небрежно спросила:

- Твоя кисть точно на высоте, а как насчет твоего копья?

Улыбка исчезла с лица Хэ Дина. Один взгляд на него, и можно было бы понять, что он был книжным человеком без каких-либо боевых навыков.

- Этот скромный человек все еще изучает способ каллиграфии и еще не нашел мастера копий,

которому можно было бы следовать, - сказал он.

Его друзья скрывали улыбки и сопротивлялись желанию засмеяться. Хэ Дин был известен тем, что избегал физических нагрузок, и был прямой противоположностью мускулистого Чжан Пина. То есть Хэ Дин, вероятно, никогда не поднимал в своей жизни ничего более тяжелого, чем кисть.

- Жаль, такая жалость, - пробормотал Матриарх Цао, достаточно громко, чтобы все могли услышать. Она махнула рукой в знак отказа, и Хэ Дин быстро сел обратно. Простым жестом матриарх разметал его иллюзии на руку своей внучки.

Теперь зал был полностью запуган!

Слова, используемые в качестве оружия,

Смертельны, как любой яд.

<http://tl.rulate.ru/book/6405/444478>